

ДОСТОИНСТВО ПРАВДЫ

О ПЫТ каждого талантливого художника поучителен по-своему. Почти всегда бывает так, что он, этот неповторимый опыт, если подойти к нему непредвзято, какие-то представления заставляет нас пересмотреть, другому дает неожиданное и веское подтверждение.

Можно согласиться с теми, кто подметил в прозе Сергея Воронина существование как бы двух линий, двух потоков: с одной стороны — повести и рассказы с конкретной, навеянной определенным временем социальной проблематикой, с другой — произведения, содержание которых заведомо выходит за эти пределы и ассоциируется с проблемами более общего, главным образом этического характера. Примечательно, однако, что именно упомянутая «конкретность» нередко придает нравственному поиску в творчестве писателя особую остроту и впечатляющую силу. Достаточно вспомнить хотя бы повесть «Ненужная слава» или рассказ «Солнечная долина», некоторые вещи недавнего времени. Не всегда произведения, написанные автором в ином ключе, стоят на одном с ними уровне.

Таков уж склад его таланта. Тафос писателя всего убедительнее там, где ему есть, на что опереться, где подсказанная жизнью коллизия неоднозначна и требует от автора не только психологической, но и социальной чуткости. Она может быть сугубо злободневна и все же не утратить интереса и спустя годы. Ибо, как правило, за нею — правда характеров и обстоятельств, а не внешние их приметы, пусть и цепко схваченные и улаченные, к месту поданные.

Вот, скажем, конфликт, который лежит в основе повести «Деревянные пяточки», увидевшей свет в самом начале прошлого десятилетия и сразу обратившей на себя внимание. Наверное, сегодня накал спора между умным, энергичным председателем колхоза Климовым и ловким заведующим подсобным цехом по производству Сбыччик не столь острым. Однако на внутреннем сюжете произведения это никак не отразилось. Ведь в данном случае столкнулись не просто разные хозяйственные принципы, но разные по своей нравственной сути характеры, противоположные жизненные позиции, обозначенные четко и выпукло. Без всяких, впрочем, улаченных упрощений.

Мерой активного отношения к обстоятельствам, сколь бы противоречивы и запутанны они ни были, меряет обычно С. Воронин нравственный потенциал своих героев. Так было в романе «Две жизни» — о трудных изыскательских тропах, о тех, кого можно назвать предшественниками сегодняшних строителей БАМа; то же самое следует сказать и о ряде его повестей, написанных в семидесятые годы. Каждая из них велика по объему и по художественной своей структуре ближе к тому, что называют короткой повестью, повестью-рассказом, но в центре каждой — острая социально-нравственная проблема, очертания которой проступают сквозь пеструю мозаику быта определенной жизненной среды, будь то сегодняшнее село, как в «Отпуске в Кузлево», размеренно-однообразный быт скромного, оказавшегося в стороне от серьезных дел поселка, как в «Заброшенной вышке», или вполне современные ритмы жизни большого города.

Сочувствуем ли мы, допустим, учителю Игорю Николаевичу («Заброшенная вышка»), озаченному тем, как неинтересно живут некоторые из окружающих его людей — соседей, знакомых, бывших учеников? Пожалуй, да: ведь мысли он вы-

сказывает дельные, его неприязнь к потребительскому существованию искренна. Но что толку в правильных речах, коль скоро они лишь в малой степени подтверждены личным опытом? О том, чего не хватает поселку и его жителям, учитель судит здраво, о том же, чего недостает ему самому, едва ли догадывается, принимая собственную вялость и пассивность за некий знак возраста, не более. Казалось бы, ну вот: не выдержала, ушла от него жена — чего же больше? Да только в том дело, что житейское правило свое — не принимать ничего близко к сердцу — Игорь Николаевич пытается внушить и другим, а это уже не столь безобидно.

Воронин любит заострить ситуацию, но широкий простор оставляет и для самостоятельного читательского размышления, развертывая перед нами всю совокупность разнородных жизненных фактов, все «за» и «против», пусть даже и за счет общей стройности и соразмерности повествования. Его зоркость подчас поразительна. Ибо проблема проблемой, но вырастает она не на пустом же месте: нужны подробности, краски — словом, «фактура». Любая, даже внешне безобидная неточность либо фальшь на малом пространстве сразу бросится в глаза, и никакой лирически проникновенный пейзаж, никакой колоритный диалог положения не спасет. Точный в том, что касается реалий сегодняшней жизни, Воронин их роли, однако, не переоценивает. Профессия героя, его предстория, взаимоотношения в семье — все это должно быть не менее убедительно и заслуживает особых авторских забот. Порой помогают прототипы. Но чаще Воронин обращается к тому, что было накоплено раньше, что незаметно оседало в памяти или наскоро заносилось в блокнот — и в годы его службы в изыскательских партиях, когда немало пришлось исколесить дорог, и позже, в пору работы в газете, еще больше облизавшей будущего писателя с людьми, притом уже не одной только, но разных профессий. Одна, две, три командировки — знанием жизни они, конечно, не обеспечат, другое дело, когда их значительно больше. Оглядываясь назад, Воронин счел нужным отметить: «Если бы не поездки, многого бы из написанного мною не было».

Но не было бы этих произведений, наверное, и в том случае, если бы с той же серьезностью Воронин не стремился решить для себя, пусть на каждом отрезке времени по-разному, вопрос: как писать?

Вкус к поиску, способность к трезвой самооценке — все это у писателя во многом от людей, бывших в литературе его непосредственными наставниками или добрыми советчиками. Незабываемый след оставило общение с поэтом Всеволодом Рождественским, занимавшимся с молодыми авторами в рабочем литературном университете, что существовал перед войной в Ленинграде. Помимо высокой культуры, замечательного чувства слова, особое значение

в данном случае имел пример бескорыстного и несуетного служения литературе. Короче, начинающему прозаику, чьи творческие помыслы уживались с мечтой о дальних экспедициях и походах, было чему поучиться, что перенять. И все же самому трудному и сложному учил собственный опыт — с неизбежными сомнениями, а порой и неудачами.

«Долгое время, — вспоминает Воронин в автобиографических заметках «Страницы жизни», — я не знал своих тем, своих сюжетов... Со временем я стал разбираться в том, что «мое» и что «не мое», и уже не хватался не за свои темы и сюжеты, хотя они продолжали приходить ко мне... Своя тема. Это, пожалуй, и есть то, что определяет творческую индивидуальность».

Знание собственных возможностей — это всегда и понимание того, какие средства наиболее пригодны для воплощения определенного замысла, а оно приходит с годами, с постепенным углублением в законы того или иного жанра. Творческая биография Воронина не составляет в этом смысле исключения. Стоит просто сравнить имевший широкий читательский успех роман «Две жизни» с первым серьезным опытом писателя в крупной повествовательной форме — повестью (или романом, как было обозначено в издании 1949 года) «На своей земле». Или произведения, вошедшие в книгу «Родительский дом» (в 1976 году она была удостоена Государственной премии РСФСР имени М. Горького), — с рассказами, написанными на рубеже 50—60-х годов. Кстати, как рассказчик и входил когда-то Воронин в литературу, сохранив верность этому жанру и поныне.

Входил он с убеждением, что своеобразию жизненных впечатлений, которыми стоило поделиться с читателем, — а связаны они были у него с опытом первой, изыскательской профессии — лучше всего соответствуют напряженный сюжет, броская, неожиданная развязка. Естественно, что позже, когда Воронин стал работать над очерками, подобно другим прозаикам, как раз тогда обратившим, по выражению Вл. Солоухина, исследовательское око в сторону деревни, свои представления на этот счет он пересмотрел. До эффектных ли концовок, когда вокруг разнообразие ситуаций и судеб и все это неудержимо просится на бумагу! Сам материал действительности подсказывал иную, не отягощенную жесткими сюжетными условностями форму.

Что-то из прежнего (хотя бы те же неожиданные развязки) еще не раз напомним о себе. В других рассказах Воронина скажется, напротив, очерковая заданность, избыток доверия к единичному, пусть даже интересному житейскому случаю, факту. Зато сразу попадут в поле зрения те вещи, где художественная правда представнет во всей своей глубине и объемности, в своем подлинном, неуцеленном достоинстве.

Не всякая условность от лукавого. Разве нет ее в таком сильном рассказе Воронина, как

«Иван Куличок» — о возвращающемся с фронта солдате и его встрече с женой? Недаром в свое время Валентин Овечкин отмечал как серьезно достоинство одной из воронинских повестей, что она благодаря подтеку, широте ассоциаций производит впечатление романа...

В новеллистике самоповторы — в повествовательном ли рисунке, интонации, общей ли авторской установке — явления не такое уж редкое, а вот к Воронину, кажется, прямого отношения не имеет. Он может быть и жестким аналитиком, и лириком, всегда своеобразен, тонок как пейзажист и особенно — как автор психологических этюдов и зарисовок. Иные из них — «Счастье», «Лошадь убила», «Что с вами?», «Чужое письмо», «В ожидании чуда» — можно смело отнести к заметным образцам этого жанра в современной русской прозе.

Рассказы Воронина не менее богаты характерами, чем его повести, причем именно характерами народного склада, трудовой закваски. На память приходят не только вещи прежних лет, о которых критика уже так или иначе сказала свое слово. Вот рассказ, что называется, совсем свежий, опубликованный недавно в журнале «Звезда», — «Туда и обратно» (№ 4, 1983).

О чем он? О молодости и старости. О том, пожалуй, как не просто человеку расстаться с прошлым, если даже безобидным оно не было. Точно выписан образ героини — пожилой женщины, решившей: было после ссоры с мужем переселиться в соседний совхоз к сыну. Выразительная сцена их встречи, заставившей Степаниду отправиться в обратный и, надо сказать, совсем не близкий путь:

«Ладно, живи, — разрешила, немного подумав, и невестна. — А корову, коли привела, сдадим на мясо. Игорек давно просит американские джинсы купить. Вот и купим».

— Да как же на мясо? Таковую корову, — растерянно сказала Степанида.

— Ну а куда же еще? — рассердилась невестна... Степанида ничего не сказала, но после слов невесты о том, что Волнушку сдадут на мясо, уже ни о чем другом думать не могла...

И здесь, и в новой повести «У тебя есть все, Егоров!» («Нева», № 4, 1983) для автора важна мысль о том, что только на поверхностный взгляд легко развязать узлы, связанные самой жизнью, отсечь вчерашнее от сегодняшнего. И снова перед нами — люди деревни Кузлево, те, о ком писатель рассказывал раньше, к кому, надо думать, вернется и в дальнейшем.

Кем бы ни был по своему социальному положению герой Воронина, безучастным к нему автор не бывает. «Мне особенно больно, когда он обижен, когда его не уважают, когда он бессилен, когда торжествует хам. Я хочу добра моему Человеку... Дар не sentimentально-размывочной, а строгой, взыскательной любви и есть основа обостренного чувства правды писателя, которому в эти дни исполняется 70 лет, его стремления поглубже зачерпнуть из сокровенных источников народной жизни».

Анатолий КЛИТКО